

The background of the entire page is a close-up, artistic photograph of several dandelion seed heads. The seeds are light brown and have long, thin, translucent filaments extending from them, creating a delicate, web-like pattern against a soft, light-colored background. The lighting is soft and even, highlighting the intricate details of the seed structures.

**Арахна
особенности
ярмарки в
городе
Колофон**

Виктория Горнина

Виктория Горнина

Арахна особенности ярмарки в городе Колофон

<https://litres.ru/70314556>

SelfPub; 2026

Аннотация

Морское путешествие вдоль побережья Малой Азии обещает много приключений и новых встреч - герои знакомятся с лучшей ткачихой Лидии, а затем оказываются на знаменитой ежегодной ярмарке. Там события приобретают неожиданный поворот.

Дело осложняется тем, что Афины соперничали и всегда завидовали городам малоазиатского побережья в деле производства тканей - завидовали настолько, что это обстоятельство навсегда оставило след в виде легенды. Автор постарался оживить героев, придать им черты обычных людей - представить, как это могло произойти в жизни.

Приятного чтения.

Содержание

1. Знакомство	4
2. Креонт	11
3. Остров Хиос	20
4. Главк	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Арахна особенности ярмарки в городе Колофон

1. Знакомство

В лабиринте островов Эгейского моря можно странствовать бесконечно – все равно, что затеряться в невероятно прекрасном мире. Здесь каждый остров создан богами, здесь все имеет свою историю, здесь исток и начало мира. Прихотливо изрезанная береговая линия, сказочная красота больших и малых островов в сочетании с ласковым солнцем, нежным ветерком, да бескрайняя синь теплого моря – это ли не рай на земле? Боги подарили этот мир людям – да будут благословенны они в своей бесконечной милости. Да не оставят они людей без своего участия и поддержки. Пусть большое торговое судно и рыбацкая лодочка достигнут желанного берега. Услышь наши мольбы грозный повелитель моря. Позволь кораблю продолжить свой путь по морскому простору, дай ему в помощь попутный ветер, остереги от опасных скал и коварных водоворотов; пусть шторм пройдет стороной и буря минует его. Тогда семьи дождутся своих кормильцев, рыбаки привезут богатый улов, торговец переправит заморский товар, а путешественник откроет для себя новый, неизведанный мир.

Легкое гребное судно скользит мимо острова Самос. Оно снижает ход, моряки убирают единственный парус, закрепленный посредине корабля – он уже не нужен. Самос остается справа – корабль входит в бухту Каистра. Спокойная водная гладь огромного пространства бухты отражает силуэты многочисленных кораблей – одни спешат в открытое море, другие направляются к гаваням. Волны с шумом разбиваются о пологий берег, усыпанный галькой, и пенятся возле скал, уходящих в море. Береговая линия чередует ландшафт – отвесные обрывы Лебеда уступают место плоскогорью, на смену возвышенностям Колофона приходит равнина Эфеса. Достигнув Самоса, суда расходятся по четырем направлениям – в полукруглой чаше огромной бухты расположены порты четырех греческих городов.

Гавань Колофона представляет собой любопытное зрелище. Среди торговых кораблей финикийцев с круто выгнутыми, подобно луку, носами, ловко скользят легкие греческие биреты – небольшие парусно-гребные суда. Рыбацкие лодки и лодки ныряльщиков застыли в стороне от проходящих кораблей. В порту кипит работа – суда грузят пурпурные ткани – город славится на весь известный мир своим великолепным красителем. Но процесс изготовления столь насыщенного, красивого цвета сопровождается невероятным зловонием – поэтому купцы предпочитают покупать готовые окрашенные ткани здесь, в Колофоне. Получается дорого, но спрос на пурпур настолько велик, что окупает все расходы.

Заводить такую красильню у себя на родине – верный способ нажить множество врагов. Граждане Колофона давно смирились с запахами красилен – иначе им не выжить: совсем рядом карийский Милет. Этот город прочно держит торговлю окрашенными шерстяными тканями в своих руках. Только пурпурный краситель выручает Колофон – это благодаря ему гавань полна судов, а в городе теплится жизнь.

С небольшого возвышения видна вся гавань. Большие и малые, бросившие якорь и скользящие по воде суда и суденышки в живописном беспорядке расположены в акватории порта. Молодая девушка с миндалевидными глазами и чувственной линией рта, внимательно разглядывает эту панораму и осторожными движениями рисует отточенным кусочком угля контуры кораблей. Перед ней растянута тонкое полотно. Пальчики все уверенней скользят по ткани – она нашла, наконец, то решение, что искала – это будет смотреться очень даже не плохо. Она увлечена работой – вскоре картина вырисовывается: суда застывают на ткани и маленькая лодка борется с волной.

– Красиво у тебя получается

Она вздрогнула и подняла глаза. Незнакомый человек приветливо улыбнулся.

– Я напугал тебя? Извини. Мне только хотелось посмотреть, что ты рисуешь. Ты, наверное, художница?

– Нет, чужеземец. Но ты прав, это эскиз. Дома я выполню его цветными нитками на станке. Я ткачиха.

– Ткачиха? Такая красивая девушка – и вдруг ткачиха. Не может быть. На моей родине это занятие рабынь.

– Я не рабыня, чужеземец. Я лучшая мастерица во всей Лидии. Может быть, ты слышал я – Арахна.

– Прости, прости, я не хотел обидеть тебя.

– Уходи, не мешай мне – она закусила губу и отвернулась к картине. Краешек глаза косил в сторону парня.

Незнакомец прекрасно заметил эту уловку. Она не сердится. Просто делает вид. А я тоже хорош – назвать такую девушку рабыней. Надо поосторожнее выбирать слова.

– Значит, это будет красивым покрывалом или занавеской, да?

– Да, представь себе. Это будет самым красивым покрывалом во всем мире. ... или занавеской – как тебе больше нравится?

– А не слишком ли ты много о себе думаешь? Мне, конечно, все понравится, что бы ты ни сделала. – вовремя спохватился чужеземец, – Но ты такая молоденькая – есть мастерицы намного опытнее тебя.

– Ну и что? Разве дело в возрасте? Приходи через неделю на дворцовую площадь – сам убедишься.

– А что будет через неделю?

– Как что? Со всего побережья и островов съедутся мастерицы. В этом году наш город принимает самую знаменитую ярмарку. А вместе с ней и конкурс ткачих. Будет на что посмотреть.

– Жаль, что я пропущу это мероприятие

– Ты уезжаешь?

– Да. Мое судно отплывает нынче ночью

– Тогда счастливого пути. Прощай, чужеземец

Арахна закончила эскиз, сложила полотно и стала спускаться вниз по пологому склону. Она сделала двадцать шагов и остановилась – парень сидел возле самой тропинки прямо на камнях.

– Ты все еще здесь?

– Кто? Я? Я люблюсь видом. Красиво, правда?

Перед ними была скалистая местность, кое-где поросшая чахлой травой, да пыльная дорога.

– Ага. Очень красиво

Они некоторое время шли молча.

– Можно, я провожу тебя?

– Ты уже это делаешь, разве нет?

– Значит, можно?

Город встретил их почти пустыми улицами. Полуденный зной изгонял редких прохожих. Обычный захолустный городок – хотя и довольно большой. Все жители, должно быть, в ткацких или красильных мастерских. Старики на огородах. Даже рыночная площадь какая-то вялая, совсем скучная. Возле лавок две женщины лениво выбирают зелень. А продавец горшков вообще задремал. Ни тебе шума, ни суеты. Провинция, одно слово. Да-а. Как все не похоже на Фивы. Этому Колофону не знаком тот жесткий ритм жизни, что

свойственен фиванцам. Они здесь и ходят как-то медленно, и говорят нараспев. Похоже, только в порту жители этого города окончательно просыпаются. Но зато какие здесь девушки. Эта Арахна – очень мила. Да что это я, она просто очаровательна. Правда, слишком заносчива, но до чего хороша. Жаль, что надо уезжать.

– Мы пришли. Это моя улица. Дальше не ходи. Не хватало еще, чтобы наши сплетницы тебя увидели. Потом стыда не оберешься. – она замялась, помолчала немного – Ну, что стоишь? Иди. Прощай, пусть боги помогут тебе добраться домой.

Парень провожал ее взглядом. Он остался стоять посреди узкой, не мощеной улицы. Глаза чужеземца следили за ней, пока Арахна не скрылась в маленькой арке невзрачного дома. Ишь ты – лучшая мастерица во всей Лидии. Я готов безо всякого конкурса признать, что она лучшая в мире, лишь бы еще раз увидеть ее. Ветер донес до улиц запахи красильни. Что за нестерпимая вонь. Вот забытая всеми богами дыра. Как они живут здесь? Незнакомец поспешил в сторону порта.

Судно, на котором путешествовал Креонт, попало в Колофон благодаря коммерческой жилке своего капитана. Афинянин уговорил богатых молодых господ, нанявших его корабль за большое вознаграждение для длительного морского вояжа, сделать остановку в ничем не примечательном на вид колониальном городке, когда судно, побывав в Миле-

те, огибало Самос, чтобы направиться к острову Хиос. Ничего не подозревая, путешественники согласились посетить еще один город побережья Малой Азии. Корабль повернул в бухту Каистра. Теперь, пока их капитан, сокрушаясь, что очень мало места, забивал неглубокий трюм своего судна пурпуром, от чего оно все глубже погружалось в воду, вместо дегустации знаменитых хиосских вин путешественники-фиванцы вдыхали отравленный красильными воздух Колофона. Смотреть в городе было нечего. Недовольные спутники Креонта остались на борту, сам Креонт сошел на берег осмотреть окрестности.

2. Креонт

В детстве Креонт был непоседливым, шумным ребенком. От его бесконечных проказ голова матери шла кругом. Он носился как угорелый по улицам родных Фив в компании таких же шалопаев. Энергия была через край, отыскать его в середине дня было делом безнадежным – лишь к вечеру, перепачканный и усталый, зато довольный, Креонт добирался до дома. Захлебываясь от эмоций, мальчик начинал рассказывать об уличных баталиях и приключениях насыщенного дня, но его хватало не надолго. Усталость брала верх – наспех вымывшись и проглотив свой ужин, Креонт, под вздохи матери, укладывался спать, чтобы завтра вновь отправиться на поиски приключений.

Церемонная неспешность дворца произвела на Креонта впечатление. Блеск доспехов дворцовой стражи свалил мальчишку наповал. Он сразу попал в сказку, где хранятся несметные сокровища, и отважные герои спасают родину от коварных врагов. Впечатлительный подросток представлял себя начальником всех фиванских постов – то он командует сбор, то ведет всех на стены спасать город от неведомого неприятеля. Креонт представлял себя героем, храбрым защитником фиванцев – он с удовольствием обучался искусству владения мечом, не прошло и двух лет, как он в совершенстве владел всеми видами оружия, прекрасно держался

в седле и правил колесницей. Из мальчика Креонт незаметно для окружающих, занятых только собой, превращался в юношу.

Непослушные, вечно перепутанные волосы, предмет ежедневных мучений гребешка, превратились в густые локоны до плеч; выразительность придали глазам загнутые ресницы; над губами появился первый пушок, подбородок разделяла ямочка; смуглая кожа обтягивала торс – ежедневные упражнения укрепили мышцы, атлетическая фигура Креонта ничуть не напоминала собой тщедушную наружность его отца. В наследство от родителя ему достался невысокий рост да неумная тяга ко всякого рода интригам и тайнам.

Незаметно пробежало семь лет. Весна преподнесла Креонту его семнадцатилетие в образе мучительного томления и непонятной грусти. От всегдашнего веселья не осталось и следа. Печаль тронула глаза Креонта, заволокла, затуманила взор – его конь томился в стойле, напрасно ожидая своего хозяина, доспехи лежали нетронутыми в углу, все состязания теперь проходили без его участия, а сам Креонт испытывал невыразимую тоску. Все надоело – всегда и все одно и то же. Тот замкнутый круг, в котором он прекрасно себя чувствовал еще вчера, сегодня уже не устраивал Креонта. Он знал все до последней мелочи, и весь привычный мир внезапно наскучил ему.

Беспричинное томление и грусть Креонта были скоро замечены его родными. Во дворце появились молоденькие ра-

быни, их обязанностью было окружить любовью своего юного господина. Креонт молча принял подарок близких, но оставался по-прежнему печален. Все перевернулось однажды, и, как это нередко бывает, совершенно неожиданно. Проснувшись рано по утру, Креонт в который раз равнодушно рассматривал затейливую роспись потолка своей комнаты, когда одна из рабынь проскользнула в его покои. В руках она держала кувшин. Девушка тихонько, себе под нос мурлыкала мелодию. Чужой язык и незнакомая песня произвели большое впечатление на Креонта. Рабыня собиралась уйти. Он остановил ее. Весь день Креонт не отпускал ее от себя. Но девушка мало что могла рассказать – она была совсем крохой, когда ее вместе с другими рабами переправили на Хиос. Родные места запомнились ей обрывками, в виде ярких картин и казались скорее красивым сном, нежели утраченной реальностью. А свое пребывание на Хиосе она запомнила хорошо и не могла без слез вспоминать об этом. Оттуда она попала на корабль, идущий в Аттику. Афинские купцы привезли ее в Фивы. Горестный тон персиянки ускользал от внимания Креонта. Он представлял лишь далекое море, чудесные острова и необычных жителей тех мест.

– На Хиосе, все в постоянном страхе. Пленников со всего побережья свозят на этот остров. Я изо всех сил держалась за мать, но меня огрели плетьюми и отбросили в сторону. Маму забрали на большое торговое судно, и больше я не видела ее. Меня и других детей отправили на корабле в Афины

– девушка смолкла. Слезы навернулись на глаза, воспоминания растревожили ее.

– Хватит плакать. Тебе не плохо живется сейчас. Лучше расскажи мне о море, о своей прошлой жизни. Расскажи, что помнишь. Что это за место?

– Это очень красивое место. Мне часто снится родной дом. Море прозрачное – на дне видно все до последней ракушки. Я помню, как играю на берегу, рядом другие дети...

– Перестань. Я спрашиваю тебя не об этом. Похоже, ничего не добиться от глупой рабыни. Ты намного лучше поешь, чем рассказываешь. Ступай вон отсюда.

И девушка ушла. Она забилась в темный уголок и долго всхлипывала, глотая слезы. Пока она, растревоженная воспоминаниями, плачет в углу помещения для рабов, Креонт соображает, как бы ему раздвинуть границы своего маленького мира.

– Что я мучаюсь? В городе много иноземных купцов. Их истории будут поинтересней, чем сказки плаксивой рабыни.

И Креонт зачастил на рынок. Он подолгу слушал рассказы словоохотливых чужеземцев – воображение рисовало далекие земли и неизвестные острова, морские просторы и незнакомые города. За свою недолгую жизнь Креонт, как и многие граждане города, никогда не покидал Фивы. Даже соседние Платеи казались ему чем-то особенным, каким-то неизведанным миром. Афины и вовсе представляли перед Креонтом как нечто очень далекое, он мог часами

внимать рассказам приехавших афинян, испытывая желание самому увидеть Акрополь, величественные храмы и неизвестный город, столь непохожий на родные Фивы. Рассказы, услышанные им на рынке, представляли собой сборный коктейль, где правда перемешана с вымыслом, а откровенная ложь сдабривается изрядной долей хвастовства. Чувствуя внимание парня и неподдельное его восхищение, кое-кто из рассказчиков давал простор фантазии – Креонт узнавал об островах Эгейского моря, и населяющих его невиданных существах. Постепенно Креонт увлекся, глаза засветились желанием познать неизведанное, детская жажда приключений вновь проснулась и сейчас требовала прислушаться к своему зову. Когда причина грусти была установлена, Креонт отважился на неслыханное доселе в Фивах дело – отправиться в путешествие.

Родные благосклонно отнеслись к необычной просьбе, снабдили Креонта необходимыми средствами, и посоветовали взять с собой спутников, сверстников из богатых фиванских семей – в компании путешествовать веселее, и надежнее: друзья всегда помогут, случись что. Поэтому Креонт и два его приятеля по детским играм, Филонид и Главк, оказались сначала в Афинах, куда их сопровождал многоопытный старенький купец. Пока молодые люди знакомились с сердцем Аттики, тот нанял для них судно, обратил фиванские монеты в афинское серебро, обо всем договорился, и после этого проводил всю компанию в плавание по Эгейскому мо-

рю. Впечатлительные фиванцы были в восторге. Погода благоприятствовала им – ветер был попутный, море – спокойным.

Бесконечная вереница островов Киклады запомнилась путешественникам посещением святилища Аполлона на Делосе – столь величественным предстал перед ними в лучах заходящего солнца знаменитый храм. Утро застало их в пути – постепенно добрались они до Крита, задержались там, осматривая побережье этого острова, через месяц их судно встречал Родос.

Затем их путь лежал вдоль побережья Малой Азии к Геллеспонту. Фиванцам хотелось посетить Трою. Пестрота восточных колониальных базаров, особенный незнакомый мир, смешение языков, обычаев и нравов весьма заинтересовали путешественников. Капитан корабля важно объяснял несведущей молодежи, чем славится тот или иной город, какой товар и куда поставляет. Неспешно они добрались до Милета, где предприимчивому капитану пришла в голову идея зайти в ничем не примечательный Колофон. Он надеялся выгодно продать в Трое свой пурпурный груз. Судно, не рассчитанное на большую партию товара, заметно осело в воду, утратило маневренность, потеряло скорость и стало легкой добычей для высокой волны – даже небольшой шторм теперь грозил бедой путешественникам.

Креонт возвращался в порт. Парень насвистывал веселую

мелодию, и был в прекрасном расположении духа – его мысли снова возвращались к случайной встрече с милой девушкой. Сойдя на берег рано утром, едва судно коснулось причала, Креонт обнаружил, что идти в этом городе особенно некуда. Все было серым, неказистым – даже единственный храм Посейдона выглядел очень уж скромно. Пока он сообщал, что же делать, в воздухе появился гадкий запах красилена. Фиванец повернул обратно. У моря, по крайней мере, есть, чем дышать, думал Креонт. Пыльная дорога вывела назад к морю. Местный пейзаж был унылым – казалось, зловоние убивает все живое вокруг. До некоторой степени это было верно. Скалистый берег прерывался галечным пляжем, затем снова возникал невысокий холм с плоской вершиной. Блеклая растительность лишь немного оживляла местность. Креонт предпочел смотреть на море. В синей дали бесшумно скользили суда, в небе парили чайки, море пенно обрушивалось на берег, отступало, и накатывало вновь.

Случайный взгляд, брошенный на вершину холма, утратил равнодушное выражение. Фигурка в белой тунике привлекла внимание Креонта. Ветерок обдувал ладное тело, перебирал волосы, касался лица. Незнакомка смотрела в сторону порта. Затем она сделала первые штрихи. Сосредоточенно, очень кропотливо, сначала робко, а затем все уверенней девушка наносила рисунок на ткань. Она с головой погрузилась в работу и не замечала ничего вокруг. Вот бы взглянуть, что она рисует. Хотя бы краешком глаза. Креонт

направился к холму. Вид, открывавшийся с плоской вершины, был неожиданно красив. Впечатление от огромной бухты и живописного беспорядка кораблей усиливалось фигуркой незнакомки. Креонт полюбовался немного и подошел к ней. Его влекло к девушке, чей нежный профиль сейчас склонился над рисунком. Необычное знакомство прошло успешно. Мимолетное невинное приключение понравилось Креонту. Фиванец умел находить удовольствие даже в такой мрачной дыре, как этот Колофон. Теперь он сможет прихвастнуть перед своими спутниками – пока они сидели на палубе и маялись от скуки, он приятно провел время и завел знакомство с одной милой особой. Как, она сказала, ее зовут? Арада... или нет... такое странное имя... Акара?.. постой... надо же... Забыл. Ну да теперь уже все равно. Вряд ли они встретятся вновь. И все же она хороша, вся такая трепетная, юная и немного дерзкая. Люблю дерзких девушек. Креонт снова и снова видел силуэт на вершине холма – парень улыбался и девушка, казалось, улыбается в ответ. Хорошее настроение улетучилось, едва Креонт оказался на палубе своего корабля.

– Это что за новости?

Всё было завалено штуками пурпурной ткани. От носа до кормы все приобрело дорогой оттенок. Гребцов потеснил импровизированный склад. Всюду красовались тюки. Приятные мысли окончательно вылетели из головы.

– Ты что это, умник, решил утопить нас, что ли? Тебе же

заплатили сполна.

Весь красный, как рак, капитан пытался оправдать свою жадность.

– Пошлины в каждом порту были больше, чем я предполагал. Пусть господин не сердится... еще два раба сбежали в Галикарнасе. Пришлось нанять свободных гребцов, а им нужно платить, а провиант, а вода...

– Враньё. Куда ты рассчитываешь везти все это? Неужто в Афины?

Тот быстро залепетал:

– Что ты, мой господин, что ты. Здесь, недалеко. В Трою. До нее уже рукой подать. Три-четыре дня пути – не больше.

– Мошенник. Смотри, ты первым отправишься за борт, если мы пойдем ко дну.

Едва наступила ночь, судно снялось с якоря. Ориентиром в темноте служил маяк мыса Карик. Оставив свет маяка справа, судно покинуло бухту Каистра и взяло курс на Хиос. Тяжело нагруженный корабль медленно двигался вперед. Растянувшись под ночным небом на тюке бесценного пурпура, Креонт мечтательно рассматривал звезды. Он мысленно возвращался на вершину холма, и незнакомая девушка, очаровательно закусив губу, смотрела на него своими чуть раскосыми, как у серны, глазами.

3. Остров Хиос

– Посмотри сюда, Креонт – Главк разглядывал рабынь, выставленных на продажу. Друзья отправились на невольничий рынок Хиоса, едва их судно причалило к берегу. Собственно, рынок начинался уже в порту. Бесконечный калейдоскоп и разнообразие лиц и оттенков кожи, чужая речь, сплетавшаяся множеством голосов в один не умолкающий гул; женский плач, окрики перекупщиков и свист кнута составляли общий фон хиосского рынка. Фиванцы несколько часов бродили по бесконечным рядам. Толстый, неряшливо одетый перекупщик засуетился, загнусавил скороговоркой:

– Господа, господа, подходите, господа, выбирайте, выбирайте. Лучшие фракийские девушки, господа, а сирийки – просто клад. Дешево, совсем дешево отдам. Не проходите мимо, господа. Нигде так выгодно не купите, как у Триана.

– Ну конечно. Все, небось, дикарки. Одна хлеще другой. У каждой когти будь здоров какие. Я слышал, у варваров это принято. Такая мигом всю физиономию расцарапает – Филонид любил потешаться над рыночными торговцами.

– Что вы, что вы, господа. Все нежные, ласковые... Взгляните, взгляните – не сдавался торговец.

– Особенно эта. Волком же смотрит – фиванец указал на смуглую сирийку. Черные глаза сверкнули исподлобья и опустились. Невольница поняла, что говорят о ней, потупила

взор, на щеках проступил румянец.

Тем временем, более сдержанный Главк рассматривал блондинку. Волосы тяжелым водопадом опускались ее на плечи. Грудь порывисто вздымалась – невольница чувствовала внимание покупателя, бесцеремонно разглядывавшего ее.

– Сколько просишь за эту?

– За эту? Значит, за эту? Это настоящее сокровище, господин, уверяю тебя. Она и молода, и красива...

– Это я сам вижу. Назови цену

– Цену, да, господин, цену... А как она поет, голос как у соловья...

На помощь другу немедленно пришел Филонид.

– Это твое сокровище не стоит и двух мин. Посмотри, Главк, руки у нее грубые, пальцы шершавые, точно пемза. Я бы не стал ее торговать. Пойдем отсюда, в соседнем ряду я заприметил такую девочку – пальчики оближешь.

– Что вы, что вы, господа, – испугавшийся потерять клиентов торговец зачастил пуще прежнего – Где еще найдете такую рабыню? Кожа белая, глаза голубые, а ноги, а грудь... а руки... но это от работы, господа, от работы... она же ткачиха, господа, ткачиха, чего вы хотите? Пойдите, господа, пойдите...

– Ткачиха? – Креонт, равнодушно наблюдавший затеянный друзьями торг, внезапно встрепенулся – Ткачиха?

В голове все перевернулось – перед ним возникла верши-

на холма и силуэт девушки, склонившейся над рисунком.

– Назови цену. Я куплю ее – это прозвучало неожиданно, Креонт сам удивился звукам своего голоса. Друзья в недоумении уставились на него. Торговец вздрогнул. Он обрадовался, но старался не подавать виду. Как бы не продешевить, только бы не продешевить – думал торговец. Тон покупателя сулил неплохую прибыль. Надо бы с умом обстряпать дело.

– Пять мин, господин

– Пять мин?

Он не заплатит, ни за что не заплатит. Это бешеные деньги. Здесь, на Хиосе, можно купить пять рабынь за эти деньги. Торговец сам удивился своей наглости, поджилки затряслись, пот выступил на лбу. Он, утершись грязным краем шейного платка, продолжал:

– Да, господин, девушка стоит все семь, а то и восемь, но вам... Я сразу понял, что такому молодому, такому богатому господину нужна красивая рабыня... Господин останется доволен, очень доволен...

– Креонт. Ты с ума сошел – но слова Филонида ничего не могли изменить. Деньги перекечевали к торговцу, с девушки сняли веревки.

– Что на тебя нашло?

Они возвратились в порт и теперь расположились в придорожной корчме, полной подвыпивших моряков. Столик у окна оказался свободным – сам хозяин принес богато одетым

молодым людям кувшинчик хиосского вина. Подобострастно поинтересовался, не желают ли господа еще чего-нибудь, и, получив довольно скромный заказ, никак не вязавшийся с важным видом посетителей, сразу исчез в сумраке зала, перепоручив его исполнение своим рабам.

Главк задумчиво ковырялся в поданной птице. Он не принимал участия в беседе. Затаив обиду, Главк молчал, его глаза во всех подробностях изучали очередной кусочек мяса, перед тем, как отправить его в рот.

Этому красавцу с высоким лбом и правильными чертами лица были до сих пор неведомы страхи обделенных природой, некрасивых прыщавых юнцов, изнывающих от безответной любви. Девушки сами замечали правильный профиль и сильные руки Главка. Их заинтересованные взгляды свидетельствовали о его нынешних и будущих успехах в делах любви – Главку шел восемнадцатый год, а несколько юных фиванок втайне уже вздыхали по нему. Успех ему был гарантирован, и он знал об этом.

Потому Главк был самолюбив, считал себя лучше многих, в том числе лучше своего друга Креонта, хотя в тайне завидовал ему. Креонт занимал высокое положение, какое никогда не достигнуть ему, Главку, но, что касается женщин – здесь Главк был готов поспорить с кем угодно.

Неожиданная покупка Креонтом рабыни, которую Главк выбирал для себя, он расценил как неудавшуюся, дурную выходку, как желание позлить друга, и показать свое превос-

ходство. Самолюбие было задето, положение усугублялось тем, что он сам обратил внимание Креонта на эту рабыню. «Он хотел задеть меня. На рынке полно невольниц, от них в глазах рябит, а ему нужно было купить именно эту. До чего мелкий, но болезненный укол. И это называется друг». – размышлял Главк, задумчиво потягивая вино.

– Что с тобой? Уж не болен ли ты? – Филонид, оставив в сторону полный кубок (ну и кислятина, что они в нем нашли?), распекал своего друга.

Креонт молчал.

– Ты заплатил за нее сумасшедшие деньги. Для этого не стоило тащиться на Хиос. Почему ты не послушал меня? Поверь – во столько же она обошлась бы тебе и на фиванском рынке, только тогда ее не пришлось бы везти через море. Ну, что с тобой делать, дурья голова?

– Видишь ли... понравилась девушка, проявил слабость...

– ...проявил слабость. Ты растрянжиришь все деньги прежде, чем мы повернем домой.

– Что ты волнуешься, Филонид? Кончатся средства – попросу у тебя в займы.

– Ради твоего же блага, не получишь ни драхмы.

– Тогда у Главка. Ты что притих, Главк?

За Главка ответил все тот же Филонид.

– А чего ты хочешь? Увел у него из-под носа девицу, и хочешь, чтобы он радовался?

– У меня и в мыслях не было. Она напомнила мне... –

Креонт осекся.

– Кого напомнила? Давай, выкладывай, если начал. Первую любовь? А, может...

– Перестань. Хватит. Пойдем отсюда

Компания вышла на улицу. Сумерки окутали гавань, свет фонарей выхватил из темноты усталое лицо.

– Ступайте, я догоню вас – Креонт подождал, пока силуэты друзей не скрыла тьма. Затем подошел к рабыне, все это время ожидавшей своего господина возле корчмы.

– Ты голодна? Что я спрашиваю, конечно, голодна. Подожди, я сейчас

Он быстро вернулся. Пока девушка ела, Креонт с досадой думал о своем поступке. Зачем только я купил ее? И, правда, зачем? Лишняя головная боль. И Главк, похоже, обиделся. Да, нехорошо получилось. Может, подарить ее Главку? И, словно, угадав его мысли, невольница спросила:

– Ты купил меня для себя, ты не отдашь меня своему другу? – ее голос дрожал, глаза пытались рассмотреть в темноте лицо Креонта.

– Может, и не отдам... посмотрим

– Не отдавай, прошу тебя – она схватила его за руку – Не отдавай

– Чего ты испугалась?

– Он плохой человек, поверь мне. Я чувствую людей. Он злобно смотрел на тебя, пока мы шли...

Ее тревога передалась фиванцу. Главк, конечно, обижен,

я бы сам обиделся. Вот что значит, поддаться эмоциям. Ничего, мы это уладим. Если Главк захочет, я уступлю девушку ему. В конце концов, зачем она мне? Перед глазами вновь возникла кривая улочка Колофона и девушка, лицо которой он тщетно старался забыть. Это благодаря ей он совершил опрометчивую покупку. Креонт поспешил успокоить рабыню.

– Перестань дрожать. И не говори глупостей. Ты совсем его не знаешь

– Значит, не отдашь?

– Если не замолчишь сейчас же, то отдам сразу, как только окажемся на корабле

Сигнальные огни скупо освещали тяжело нагруженный корабль. Гребцы спали на палубе среди тюков. Главк и Филонид облюбовали корму. Стараясь никого не потревожить, запоздавшие пассажиры поднялись на палубу. Девушка молчала.

4. Главк

Испытывал ли кто-нибудь из вас чувство досады, даже жгучей обиды, когда вещь, выбранная вами, на ваших глазах достается другому? Вы успели облюбовать ее, прикоснуться к ней, вы мысленно представляли, как она будет смотреться в вашем доме, и предвкушали, сколько удовольствия доставит вам радость обладания ею. Вы достали кошелек, еще мгновение, и она перейдет в ваше полное распоряжение – но в последний момент более ловкий и наглый, а, может, просто более решительный покупатель уводит ее прямо из-под носа. Пока до вас доходит смысл происходящего, он исчезает в толпе, унося с собой ваше несостоявшееся приобретение. Остается растерянно смотреть на опустевшее место, где только что был предмет ваших мечтаний, и сожалеть об упущенной возможности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.